

К 200-ЛЕТИЮ И.А. ГОНЧАРОВА

«Фрегат «Паллада»

как книга о кругосветном путешествии в контексте мотивов круга и таинственного смысла буквы «О»

В богатом знаковыми юбилеями 2012 году — тут и годовщина Отечественной войны 1812 года, и рождение в этом же году выдающегося русского писателя и мыслителя А.И. Герцена, и многое другое — не должна затеряться и такая значительная в истории национальной культуры юбилейная дата как двухсотлетие большого русского писателя Ивана Александровича Гончарова. Его творчество особой плодотворностью, вроде Золя или Диккенса, отмечено не было, но трём его романам, название каждого из которых с каким-то по первоначально скрытым от читателя, да и исследователя тоже, смыслом начиналось с буквы «О», — «Обыкновенная история» (1846), «Обломов» (1847—1859), «Обрыв» (1849—1868) — под силу оказалось вскрыть такие существенно важные для русского и общечеловеческого бытия стороны, что и сегодня не потеряли актуальности и способны вызвать живой отклик в душе и сознании читателя.

В первом романе писатель воспроизвел вечно повторяющуюся в мире ситуацию утраты юношеских иллюзий, тот неизбежный драматизм, которым полнится человеческая жизнь в столкновении с суровыми реалиями действительности, воспринимаясь как её «обыкновенная история». В главном герое романа «Обломов» писатель воплотил столь важные для характера русского человека черты, что образ его по праву вошёл в арсенал самых выразительных мифов и архетипов национальной культуры, выражая язык современности, обрёл значение национального бренда. Эмоционально-смысловая ёмкость созданных в этом романе типов человеческого поведения оказалась поистине неисчерпаемой, к каждому конкретному времени поворачиваясь новой стороной: дилемма жизненного выбора, обозначенная в отношениях Обломова и Штольца предстает как и до сих пор не потерявшая своей остроты проблема выбора путей исторического развития России.

В неприкрытой глубине драма-

тического напряжения эта проблема обозначилась в романе «Обрыв», когда Гончаров обратился к изображению времени, выдвинувшего на историческую арену силы, решительно настроенные на ниспровержение сложившегося общественного порядка. Заряженные взрывчатой энергией волюнтаризма, экстремизма, социального нетерпения, они нашли яркое художественное воплощение в образе «нигилиста» Марка Волохова, практической программой которого — «всё отрицать», начиная от Бога до семьи, брака, собственности, — грозит не только душевной травмой любимой женщины, но и социальной катастрофой, общим падением в пропасть, обрывом жизни.

Несмотря на сюжетное различие, неповторимое своеобразие судеб героев, романы «Обыкновенная история», «Обломов» и «Обрыв» — это цельное художественное строение, трилогия, можно сказать, единая книга о трудных путях человека и общества к обретению смысла жизни, о мучительных поисках личной и общественной идентичности. Связующая сила единой мысли писателя о мире и человеке выявляется и в названии произведений, проступает в их анафорическом оформлении. Именно здесь приоткрывается тайна привязанности Гончарова к букве «О». Графически она совпадает с кругом, образ которого восходит к философии писателя, к самым общим его представлениям о мироздании, Бытии, основах и принципах земного существования человека. В эстетической системе Гончарова круг воплощает незыблемые начала бытия, предстает как образ циклического движения земли, планет, как знак и символ цикличности самой человеческой жизни. Попытка разорвать круг, пренебрегать духовно-нравственными ценностями, восходящими к вековечному опыту обживания земли, несут угрозу крушения, обрыва, падения в бездну.

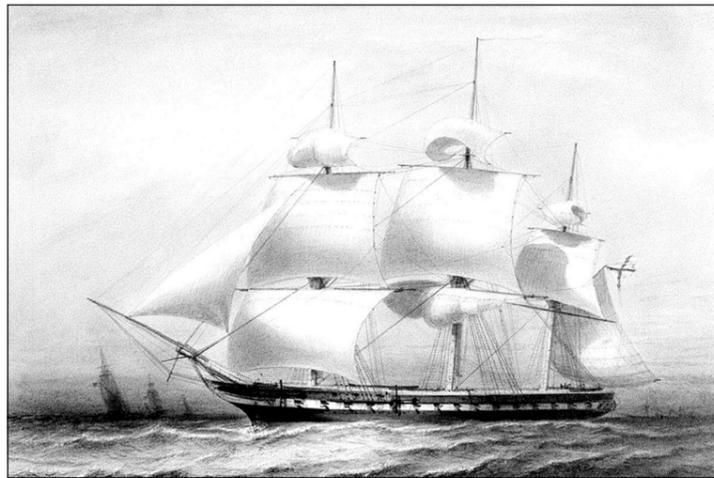
Революционно-демократическая критика не могла простить Гончарову того, как был изображен в «Обрыве» нигилист Марк Волохов.

В нём увидели клевету на русскую революцию, услышали категорическое неприятие революционных способов обновления России. Но неискоренимый след недоверия к творческому наследию великого писателя сохранился и в советском литературоведении. Вослед Белинскому, Чернышевскому, Добролюбову идея революционизма, практическим воплощением которой стал Октябрь, приобрела в советской идеологии характер безальтернативности, в силу чего общим местом стало мнение о противоречивости мировоззрения писателя, якобы помешавшего ему «подняться» на высоту исторической истины. Безусловно, романы Гончарова нуждаются в новом прочтении, открывающем ранее скрытые глубины его художественной мысли, принципиально не сводимой к постулатам критического реализма, способной и сегодня поразить богатством своих феноменологических граней.

Справедливости ради следует сказать, что ни дореволюционное, ни советское литературоведение не расходилось в оценке высоких художественно-познавательных достоинств его очерковой книги «Фрегат Паллада», многочисленными изданиями которой поддерживалась её неостывающая востребованность читателем. Знаменательно, что и это произведение не только не выпадает из круга его философских воззрений, но и на новом, поражающем своим богатством и неизведанностью материала кругосветного путешествия, подтверждает и обогащает их.

И дело не только в том, что книга посвящена изображению визуального движения российского корабля по земному кругу — из Кронштадта через три океана до Нагасаки, а потом через Сибирь в Санкт-Петербург по принципу возвращения «на круги своя», а в том, что весь повествовательный текст, насыщенный разнообразными наблюдениями, впечатлений, картин, событий, человеческих лиц и судеб пронизан авторским ощущением единства человеческого бытия, постулирует незыблемость его первоисточников начал и оснований. В этом смысле «Фрегат «Паллада» ничем не отличается от романа «Обрыв», в замысел которого, по признанию самого Гончарова, входило «осветить все глубины жизни, обнажить её скрытые основы и весь механизм» или, как пояснял он в трактате «Намерения, задачи и идеи романа «Обрыв», представить «общечеловеческие образцы психологических черт и состояний».

По сути дела «Фрегат «Паллада» — это единственная в своем роде книга с беспрецедентно широким этнологическим охватом земного шара от кафров до якутов, от африканцев до сибиряков, отмеченная неподдельным интересом к судьбам разных народов — образу их жизни, мировоззрению, характеру верований, своеобразию трудового уклада, еды и одежды, их отношений с другими народами. В этнологическом аспекте автор акцентирует внимание на феномене адаптированности человека к разным условиям земного существования, равной способности его переносить и тропическую жару, и арктический холод, что принципиально отличает человеческий мир от животного. Слоны и медведи живут только в определенной среде обитания: человек всюду! Примечательно, что в книге отмечен и высо-

кий адаптационный ресурс русского человека: «Русские говорят на всех языках».

«Паллада» вышла в плавание в июне 1852 года, когда мир уже стоял на пороге глобализации, в реальности принявшей формы бурного колониализма. Достижение высокого уровня культурно-промышленного развития страны торопились распространить своё влияние на самые отдаленные окраины мира. Встречи русских путешественников с англичанами, французами, голландцами, португальцами, американцами в экзотических регионах планеты обрели характер житейской неизбежности и, надо сказать, не всегда к обоюдной радости. Собственно, в историческую миссию военного российского парусника тоже входила разведка возможностей установить дипломатические отношения и торговые связи с разными частями земного шара, и не случайно по пути следования к конечной цели корабль подолгу задерживался то на оконечности Африки — мысе Доброй Надежды, то на Филиппинах, то в Маниле, Сингапуре, Малайзии, Гонконге, Китае... И если, как выражался Гончаров, «искомый результат путешествия» заключался «в сравнении своего и чужого», то нельзя не обратить внимания на то, с каким восторгом, не без элементов ревности, описывает Гончаров встречи с очагами восточной цивилизации: «Сингапур и Гонконг — два новые и живые создания силы воли и энергии англичан. Везде памятники неимоверных усилий, гигантских работ, везде цивилизация, торговля и комфорт, особенно торговля».

Россия явно проигрывала в этой борьбе за раздел мировой власти, но прежде всего необходимо было установить и наладить отношения с дальневосточным соседом — Японией. Именно она и составляла цель морской экспедиции под началом адмирала Е.А. Путятина, в качестве секретаря которого и был приглашен уже известный к тому времени писатель И.А. Гончаров.

В композиции о кругосветном путешествии сюжет Японии логично занимает центральное место, подтверждая незыблемость мысли о бесконечности земного круговорота: Япония служила убедительным доказательством иллюзорности намерений остановить ход истории, добиться успеха в условиях отпадения от мировой системы: «Вот, — повествует Гончаров, — достигается, наконец, цель десятимесячного плавания, трудов. Вот этот запечатанный ларец, с потерянным ключом, страна, в которую заглядывали до сих пор с тщетными усилиями склонить и золотом, и оружием, и хитрой политикой на знакомство. Вот многочисленная кучка человеческого семейства, которая ловко убегаёт от ферулы цивилизации, осмеливаясь жить своим умом, своими уставами, которая упрямо отвергает дружбу, религию и торговлю чужеземцев, смеется над нашими попытками просветить её, и внутренние, произвольные законы своего муравейника противопоставляет и естественному, и народному, и всяким европейским пра-

вам, и всякой неправде.

...В географии и статистике мест с оседлым населением земного шара только один пробел и остается — Япония».

Гончаров детально запечатлел сцену первой встречи с японцами, с робкой нерешительностью вступившими на палубу русского фрегата: «Они с боязнью озирались вокруг и, положив руки на колени, приседали и кланялись чуть не до земли... одеты бедно: на них была синяя верхняя кофта с широкими рукавами и халат, туго обтянутый вокруг пояса. А ещё? Ещё ничего; ни панталон, ничего...»

Обувь состояла из синих коротких чулок, застегнутых сверху пуговкой. Между большим и следующим пальцем шла тесёмка, которая прикрепляла к ноге соломенную подошву. Это одинаково и у богатых, и у бедных».

С этой минуты первой встречи, растянувшись на многие месяцы, начались долгие и мучительные переговоры с японцами о возможности команды русского корабля сойти на берег, а начальству приступить к выполнению дипломатической миссии. Изощрению хозяев в учинении препятствий иностранцам покинуть территорию корабля, казалось, не было границ. Многоступенчатая иерархичность японской власти, беспрекословное послушание низших чинов высшим превалировала и реальные возможности их понимания русским умом. Чтобы разрешить встречу с губернатором Нагасаки потребовалась длительная поездка за специальным разрешением в Эдо, и если бы, не удерживаясь от едкой иронии писатель, «ему предписано было, например, истрепать нас, он бы, конечно, не мог, но всё-таки должен бы был стараться об этом, а в случае неудачи распорядиться себе брюхом».

После того как разрешение было, наконец, получено, сама поездка в город превращается в тщательно отретированный дипломатический спектакль. Сложный сценарий встречи скрупулезно оговаривается обеими сторонами в деталях и подробностях с учётом норм и правил национального этикета и плохо скрываемым опасением хоть чем-нибудь поступиться: «Мне, — сообщает автор, — поручено составить проект церемониала», при этом оказываются значимыми даже такие нюансы губернаторского приёма как положение тела гостей: «То и дело приезжает их длинная, широкая лодка, с шелковым хвостом на носу, с разрубленной кормой. Это младшие толки едут сказать, что сейчас будут старшие толки, а те возвещают уже о прибытии гокейинов. Зачем ещё? «Да всё о церемониале». — «Опять?» — «Мнение губернатора привезли». — «Ну?» — «Губернатор просит, нельзя ли на полу-то вам посидеть?...»

«Ах ты, боже ты мой! Ведь сказали, что не сядем, не умеем, и платья у нас не так шиты, и тяжело нам сидеть на пятках... Наконец, рассердились,... обьявили, что привезем свои кресла и стулья и сядем на них,